

18+

Роман Лебедев

СЕВЕРОАЗИАТСКИЙ ГНОЗИС

ТЭНГРИАНСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Роман Лебедев

**Североазиатский
гнозис. Тэнгрианские
компаративистские исследования**

«Издательские решения»

Лебедев Р. В.

Североазиатский гнозис. Тэнгрианские компаративистские исследования / Р. В. Лебедев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502925-6

В данном исследовании автор, обращаясь к эзотерическим идеям саянидского Тэнгрианства, приходит к выводу о том, что Североазиатский миф повлиял на переднеазиатские, ближневосточные, северо-восточноафриканские, европейские, индийские ведические мифо-религиозные системы. Саянидские представления об Эрлик-хане могут рассматриваться как вариант гностического Североазиатского Тотального Мифа, определяемый как: «тэнгрианское эрлик-камство» или Североазиатский Гнозис.

ISBN 978-5-00-502925-6

© Лебедев Р. В.
© Издательские решения

Содержание

Роман Лебедев – СЕВЕРОАЗИАТСКИЙ ГНОЗИС. ТЭНГРИАНСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	6
ВВЕДЕНИЕ	6
КАЗАХСКАЯ ЛЕГЕНДА О ВЕРЕТЕНЕ: СИМВОЛИКО- МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ	11
БАШКИРСКИЕ РАССКАЗЫ ОБ АЖДАХА-ЗМЕЕ	15
КАЗАХСКОЕ КАМСТВО (ШАМАНСТВО)	17
ЯНГАРА-КАМ И ЯНГАР-БОГАТЫРЬ В ТЮРКО- МОНГОЛЬСКИХ МИФО-ЭПИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ	20
ТЕОНИМ ТЭНГРИ: ПРОБЛЕМА ПРОТО-ТЮРКО- МОНГОЛЬСКИХ, ШУМЕРСКИХ И ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ СВЯЗЕЙ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Североазиатский гнозис Тэнгрианские компаративистские исследования Роман Викторович Лебедев

Роман Викторович Лебедев *Дизайнер обложки*

Ильяс Мукашов *Литературный агент*

Matt Nelson *В оформлении обложки задействована фотография с ресурса Unsplash (США) под авторством*

Апокриф *Издание осуществляется при поддержке журнала*

Перекрёсток Цивилизаций *Издание осуществляется при поддержке альманаха*

© Роман Викторович Лебедев, 2023

© Роман Викторович Лебедев, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0050-2925-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман Лебедев – СЕВЕРОАЗИАТСКИЙ ГНОЗИС. ТЭНГРИАНСКИЕ КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении пяти лет автор следуя по гиперборейскому пути к «последним пределам и глубинным смыслам» Примордиальной Традиции, обращается к эзотерическим идеям и представлениям саянидского Тэнгрианства. Используя методы историко-философского и мифологического компаративизма, а также метод герменевтики проводятся сопоставления исторических общностей и культурно-мифологических систем прото-тюрко-монгол, скифо-ариев, гуннской, германской, древнешумерской и семитской цивилизаций. Рассматривая эти «вторичные центры» Традиции (пространственно-временные, по Рене Генону, приспособленные к ментальности определенного народа и определенной эпохи) делается попытка найти, обнаружить её Истинный Центр, её изначальный Исток.

Перед читателем не строго научное, а преимущественно Оккультное исследование, посвящённое гностическим аспектам североазиатской мифологии саянидов и тюрко-монголов. Материал, представленный в данном сборнике, так или иначе, ранее уже использовался и приводился автором в других исследованиях посвященных аспектам Протомифологии: этногоническим мифам, мифам о Потопе, мифам о Граале, библейской мифологии, мифам о Прародине, о Первопредке-творце вселенной и человека, силам демиурга, а также богам и героям. Эти статьи являются небольшими, но существенными кирпичиками в построении Башни к Небесному Граду для осуществления Endkampf, штурма стрелком Эрликом-Мергеном (грядущим Май-тере) концлагеря демиурга, материи-майи. Стрелком Эрликом, ниспосланном сыном Неба, который должен был стать истинным «мировладельцем», которого обманул его брат, лжец и вор, творец иллюзии-майи Шулма-Бурхын-Бакши (в алт. варианте: Чаган-Шукута): «Шингыт бурхынов было трое. Они спорили о владении миром; один из них украл цветок и стал правителем. Поэтому и время его отличается воровством и разбоями». В сказании тачжин-урянхайцев три бога: Май-Тере, Бурхын-бакши, Шимын-бурхын. Цветок вырос в чаше у Май-Тере, а Бурхын-бакши сорвал и украл цветок. Бурхын-бакши стал править миром, а Май-Тере – грядущий бог Нового Времени. По дюрбютской легенде чашу с цветком у Май-Тере украл Бурхын-Бакши, поэтому его время, нынешний век – «воровское».

Для рассмотрения фигуры Эрлик-хана из североазиатских и центральноазиатских мифов нами используется гностический подход, согласно которому существует внеземной бог света и красоты – Люцифер, который в результате космической битвы богов упал с Венеры на Северный полюс. Это тот, кого катары называли Люци-Бел, несущий нематериальный свет, Змей – посланник света, несущий спасение бог Крестос, возвращающий в наш иллюзорный мир, майю, иллюзию, материально-временную тюрьму демиурга истинный Золотой век, царство Духа. Люцифер, который пришел помочь человеку вспомнить о его божественном происхождении, о его Духе. На страницах данного исследования образ Люцифера понимается так, как его рассматривали в своих трудах такие писатели-мистики как Отто Ран, Мигель Серрано и Хосе М. Херроу Арагон и др.. Именно гностическое осмысление Люцифера помогает лучше понять предания, рассказывающие нам о владыке Подземного царства, боге смерти и справедливости – Эрлик-хане. В легендах и мифах Северной и Центральной Азии можно найти множество следов связанных с представлениями о падших ангелах. С ними связан не только обряд эккарнации, который в древности был известен и народам Саяно-Алтая, но и многие географи-

ческие объекты этого региона, исследование топонимики которых позволяет сопоставить их с образами бога Эрлика и гностическим Люцифером.

В согдийском фрагменте из гностической манихейской Книги Гигантов сказано: «Они», предположительно демоны, взяли нескольких небесных помощников в плен. Из-за этого ангелы сошли с неба, вселяя ужас в двести демонов, которые приняли человеческое обличье и скрылись среди людей. Ангелы разделили людей и стали следить за ними, отбирая гигантов от демонов и вводя «их» (детей гигантов) в безопасные тридцать два отдаленных города, подготовленных для них «Живым Духом» Агуан Wezan, около священной горы Меру и других гор. Эти люди изобрели искусства и ремесла. Эти двести демонов ведут великую войну против четырех ангелов» (M23; текст по переводу «Русской Апокрифической Студии»). «Они взяли и заключили в тюрьму всех помощников, которые были на небесах. И сами ангелы спустились с небес на землю. И (когда) двести демонов увидели этих ангелов, они очень боялись и волновались. Они приняли форму мужчин и спрятались. После этого ангелы насильно удалили мужчин из бесов, отложил их и положил стражей над ними. ... гиганты. ... были сыновья. ... друг с другом в телесном союзе. ... друг с другом... и... которые были рождены для них, они насильно удалили их от демонов. И одну половину из них они вели на восток, а другую половину – на запад, у подножья четырех огромных гор, к подножию горы Сумеру, в тридцать два города, которые вначале подготовил для них Живой Дух, а кто-то называет (это место) Агуān-waižan. И эти люди (или: были). ... в первых ремеслах. ... они сделали. ... Ангелы. ... и демонам. ... они пошли воевать. И эти двести демонов вели тяжелую битву с (четырьмя ангелами), пока (ангелы не использовали) огонь, нефть и серу» [Henning W. B., 1943].

Д. А. Мачинский определяет местоположение арийской прародины Airyanam Vaejah и тождественной ей страны Йимы//Ямы//Эрлик-хана в которой располагается «золотая вершина Хукарья», и первосотворённый хребет Хара Березайти на территории Саяно-Алтайских гор [Мачинский Д. А., 1996]. Алтайская гора Су-Меру – это Уч-Сумер (Белуха). Во фрагменте M14 Книги Гигантов исполин Махоей имел крылья и летел на восход Солнца. Здесь мы можем указать, например, на алып Канза-пега – птице-человека, великана из хакасской мифологии: «... Самый последний из древних богатырей, оставшийся на земле». В варианте, записанном Н. Ф. Катановым в улусе Арыков алып Канза-пег предстает в образе человека-птицы: «Живши со всем народом Канза-пег, ходивши по ночам, не попадался! Он был подобен птице, которая, родившись ночью, размахивает крыльями и улетает! Как из яйца, снесенного ночью родится птица и, вспорхнувши, улетает, так и живший с Канза-пег, ходя по ногам, не попадался (улетал)!» ... Также Н. Ф. Катанов в улусе Олтоков (правый берег р. Аскыс, в 6 верстах от с. Аскысского) сделал запись размеров Канза-пега, который был в десять раз больше людей с портрета, хранящегося у Иреса Мойнагашева. Книга Гигантов – допотопное повествование, полученное из манихейских текстов Турфана. Традиция этой книги берет начало в арамейских копиях Книги Гигантов из свитков Мертвого моря. Отсылка к мифологии Книги Гигантов имеется в Быт. 1:1—4. В книге рассказывается о восстании Сынов Божьих, Стражей (падшие ангелы) против Неба и их связях с «дочерьми человеческими». Манихейская Книга Гигантов входит в манихейский канон, создание приписывается самому Мани. Она была переведена, в том числе и на уйгурский язык (см. Bang W. Manichäische Erzähler // Le Museon №44, 1931).

Легенды о падших ангелах теснейшим образом переплелись с табуированной у тюрко-монголов фигурой бога Подземного царства, владыкой смерти и справедливости Эрлик-ханом. Бога Эрлика вполне можно ассоциировать с личностью Люцифера. Эрлик-хан, как и падшие ангелы, описанные в Книге Еноха, научил людей искусству добычи, обработки металлов и изготовления из него оружия. У Эрлика в Подземном царстве обитают женщины-лебеди, он сам сравнивается, как загробный перевозчик умерших душ с лебедем. В символике же лебедь связан с Венерой (Люцифер). Прожорливые подземные демоны Манги и Мангысы из мира Эрлика и голодные духи нефилим, рожденные от земных женщин и падших ангелов из Книги Еноха.

Символика грифов, павлина связанная с Эрликом на Алтае и тотемные символы Люцифера и падших ангелов – гриф и павлин. Чаша, Камень как символы сброшенного с Небес бога Эрлика и легенды о Граале, Камне из чела Люцифера. Подземная стеклянная ледяная полярная обитель Эрлика и подземные ледяные полярные чертоги Люцифера. Эрлик на белом коне и Люцифер (Утренняя Заря) на белом коне. Возможно, что легенды о Люцифере не просто оставили след в преданиях североазиатских народов, но именно Саяно-Алтай, как утверждает Н. М. Ядринцев, является кладзем, источником архаических представлений, в том числе и европейских библейских, и гностических мифов о Люцифере, светоносном боге, сброшенном когда-то в полости Земли [Лебедев Р. В., 2015].

«Всякая кость (сеок) имеет своего бога и камлает ему... только будто бы Ульгень и Ерлик боги общие для всех алтайцев» – говорил алтайский писатель и переводчик М. В. Чевалков. В древне-тюркских рунических памятниках (орхоно-енисейские рунические тексты) Эрлик выступает как бог смерти и Подземного мира, определяющий судьбу людей и срок их жизни. Самое первое упоминание об Эрлик-хане встречается в памятниках орхоно-енисейской письменности. Название этого божества передано в форме *erklig* со значением «сильный, властный» [Бурнаков В. А., 2011б; Малов С. Е., 1952]. Это 8-ая строка 1-го памятника Алтын-кёля найденного в деревне Иудино возле озера Алтын-Кёль, в междуречье Енисея и Абакана, в межгорных долинах к северу от Джойского хребта и в Койбальской степи (Хакасия). Датирован памятник 711 – 712 гг. н. э. Текст надписи гласит: «*tört inelgü ertimiz bizni (e) rkl (i) g adyrty jyta*», что в переводе значит: «Нас было четверо высокородных. Эрклиг разлучил нас. Увы!». Рунами на стеле имя Эрлика записано как «*rklg*». У орхоно-енисейских рун направление письма справа налево. Слово *Erklik* (*arklik*) идентифицировано как имя бога Смерти «Эрлик» виднейшим немецким тюркологом А. фон Габен (Annamarie von Gabain, 1901—1993) в работе «Содержание и магический смысл древнетюркских надписей» (*Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften*), глава 17 «Социальный порядок и вера в богов»: «*Der «Mächtige» (ärklik, Kokturkisch, Iche As'chete; Minusinsk, Altyn-köl a) ist der Totengott*». Что значит – «могущественный» (владеющий, мощный, сильный, огромный) – *RKLG* – бог Смерти [Gabain A. von, 1953]. На эту работу ссылается и С. Г. Кляшторный в исследовании «Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников)» говоря об идентификации слова *Erklik* в тексте Первого памятника Алтын-кёля [Кляшторный С. Г., 1976]. Слово *Erklik* также является эпитетом: «мужественный», «правитель», «власть». В «Древнетюркском словаре» под ред. В. М. Наделяева (и др.) слово *Erklik* связывается с именем подземного бога в индуизме – Ямой и даётся ссылка на буддийскую сутру «*Sekiz jukmak*» записанной древним уйгурским письмом. Имя Эрклиг-хан (*Ärklig*), как бога Смерти и справедливого Судии встречается несколько раз в древнеуйгурском письменном памятнике «Алтун ярук» («Золотой блеск») или «Алтун онлук ярук ялтыраклы копта котирилмиш ном илики атлык ном» («Сияющая золотым блеском, над всеми превознесённая царь-книга») содержащем в себе буддийскую догматику и философию, а также две легенды («Легенда о правителе Кю-Тау» и «Легенда о принце и тигрице»). «Алтун ярук» была найдена в Восточном Туркестане, создана в X веке жителем города Бешбалык Сынгку Сели Тудунгом. В памятнике «Алтун ярук» имя Эрклиг-хана имеет следующую: транслитерацию: *rkyk q'n*; транскрипцию: *arklig kan*. В легенде о Кю-Тау описывается путешествие в мир мертвых к Владыке Эрклиг-хану (умирание и воскрешение), откуда Кю-Тау принёс правила бурханского закона [Малова С. Е., 1951]. Далее мы находим имя Эрлика в рунической книге Ырк-битиг (*Irq bitig*, VIII – IX вв. н.э.). Название книги переводится как «Книга Предзнаменований» или «Книга Гаданий». Существует две книги, одна написана руническим орхоно-енисейским письмом, другая – манихейским. Книга включает в себя как манихейские, так и камские (шаманские) космогонические мифы. На Алтае книга входила в список священных книг. Имя Эрлика рунами записано аналогично алтын-кёльской стеле: «*rklg*». В Ырк-битиг он упомянут трижды: в эпизоде, указывающем

на греховность называть Эрклига небесным богом (притча 12); в формуле определяющей судьбу людей (притча 66); в притче 55, где говорится о войне (считается, что он также и кам, т.е. шаман), которого Эрклиг сделал своим непобедимым посланцем (вестником).

Согласно глубоким исследованиям известного тюрколога С. Г. Кляшторного, в древнетюркских письменных источниках Эрклиг устойчиво соотносится с подземным миром [Кляшторный С. Г., 1981]. С. Ю. Неклюдов при анализе фольклорно-этнографических текстов народов Сибири и Центральной Азии пришел к обоснованному выводу, что имя владыки Нижнего мира «восходит к древнеуйгурскому Эрклиг каган («могучий государь») – эпитету владыки буддийского ада Ямы. Прозвище Номун-хан – монгольская калька титула Ямы – «царь закона», «владыка веры» [Неклюдов С. Ю., 1988]. Исходя из мифологических представлений древних тюрков Эрлик – это бог и брат небесного бога Тэнгри. Ульгень верховное божество у алтайцев. В космологии и теогонии алтайских камов (сказание о творении мира от кумандинцев по записям С. Ландышева) [Ландышев С. В., 1886]: «Когда не было ни неба, ни земли, был один Ульгэнь»... «Ульгэнь ощутил в себе мысль и сказал: Э, тенгере, пютсин. – да будет Небо! При слове его сотворилось Небо... Главный и вышний из всех миров есть Кан-курбустан тенгере. Управителем там поставлен от Ульгэня Мангызын матмаа букаан... Небо нашего мира самое меньшее и земля самая меньшая и низшая. Наше небо называется кара – тенгере». Эрлик не создан Ульгением, а был уже, но как бы во сне в этом мире. Ульгень его нашел в виде «как лёд земля, а на ней приросший слой глины, похожий на состав человека». Ульгень вдул ему в ухо (душу) и оживил Эрлика. Эрлик был товарищем и как бы родным братом, и точно назван сыном Ульгэня. В монгольских сказаниях приводимых Г. Н. Потаниным: Ерлик – царствовал прежде в горнем мире. В мифологии везде Ерклиг – бог или божество, один из трех сыновей Тенгри (алтайцы, сойоты, телеуты, кумандинцы) или брат Ульгэня (по сообщениям А. В. Адрианова). Именно брат! Это в верованиях черневых татар: кумандинцы, тубалары, челканцы, а челканцы – одни из древнейших аборигенов Алтая, от них, от куу-кижи по одной легенде произошли тюрки, «владение Со» – река Куу-Лебедь (Н. Я. Бичурин, Н. А. Аристов). Челканский язык имеет значительное сходство с древне тюркским. С. С. Суразаков отмечал, что именно в фольклоре тубаларов и челканцев «более всего сохранились архаичные сюжеты» [Бедюров Б. Я., 2005]. «Ульгень в трех лицах, о трех шапках; у него три сына». В мифологии алтайцев Ерклиг однозначно – бог, в одном ряду с Ульгением. У урянхайцев два Кайракана: один небесный другой – медведь, т. е. Ерклиг («караджиме» – медведь по-урянхойски. По-алтайски «караджиме» – темные духи. Ерклиг у челканцев – «медвежья лапа»). То же отмечает и В. А. Бурнаков: «Взаимосвязь Эрлик-хана с землей и ее глубинными слоями отнюдь не исключала изначальную принадлежность этого персонажа к Верхнему миру, небесной сфере, что было отмечено Л. П. Потаповым. В мифологии южно-сибирских тюрков первым местообитанием Эрлик-хана считались небеса. Впоследствии, как повествует фольклор, он был ниспровергнут на землю, а затем и в подземелье. На небесную локализацию Эрлик-хана «в прошлом» указывает его первоначальное орнитоморфное обличье. В архаических мифах о сотворении мира он выступает в качестве одного из активных демиургов. Как уже упоминалось, именно Эрлик-хан в образе летающей утки опустился под воду и достал оттуда ил, из которого Худаем (верховным божеством) была сотворена земля. Однако Эрлик-хан утаил остаток ила во рту, а затем изрыгнул его на созданную Худаем ровную поверхность, в результате чего появились горы, сопки и болота. Так, согласно мифу, определился существующий ландшафт земли. Демиург, создав по собственной инициативе необходимые для жизни людей условия, тем самым, возможно, предопределил свою роль прародителя. В хакасской, как и в тюркской, традиции Эрлик-хан по своему творческому потенциалу, изобретательности и активности не уступает светлому верховному божеству (Худая, Улгэню, Ёён (Чахыс) -чаяну). Порой он даже более креативен, хотя его деятельность все же в большей степени несет в себе отрицательное начало» [Бурнаков В. А., 2011б].

Доктор философских наук И. С. Урбанаева говорит, что шаманских текста призывания к Эрлик-хану (Эрлен-хану) как «Хозяину земли» (Хуурай Үлгени эжиндэ) напоминают о «Князе Мира Сего» – «Падшем Ангеле, ставшем владыкою земли, и это указывает на природу Эрлэн-хана как восставшего Сына Неба, который, будучи побежден, ушел на восточную сторону – в мир тьмы и стал владыкой царства смерти». Г. Н. Потанин приводит записанную в северной Монголии легенду о ловком, неутомимом стрелке, который бросил вызов Богу, но в результате хитрости со стороны последнего счел себя посрамленным и, удалившись от общества людей, зарылся в землю, превратившись в сурка. В двух записях, сделанных Потаниным в разных концах Монголии, стрелок, бросивший вызов Богу, назван Еркемерген. По словам ученого, «переход от Ерке-сурка к Ерке – главе культа не представляется непреодолимым». И дальнейшие его исследования обнаруживают недостающие звенья. Получается, что царство мертвых Ерлик-хана – это мир мелких грызунов – крота, крысы, сурка, – зверей, не любящих дневного света. Древнейшая символика, проступающая в этом центральноазиатском культе, указывает 1) на образ сына Неба, 2) восставшего против Неба, 3) ставшего властителем смерти, 4) во главе мира тьмы и черных сил. Земля (земляные животные) выступает здесь в присущей ей символике противоположности Неба. На основе выявленной неоднозначной символики Ерке Г. Н. Потанин сравнивает с «главным богом еркеунов» «не какого-то незначительного стрелка, а существо тоже божественной природы, бога Ерлика; не второстепенного бога северно-азиатской мифологии, а лицо не менее важное, чем сам Царь Неба». Эрлик-хан – стрелок, бросивший вызов Небу, восставший против Неба [Урбанаева И. С., 2000].

КАЗАХСКАЯ ЛЕГЕНДА О ВЕРЕТЕНЕ: СИМВОЛИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

Легенда зайсанских киргизов (казахов) об обратившемся в гору веретене гласит: недалеко от г. Кокбектов (Кокпекті), Зайсанского уезда, находится гора Уртен-таг (Уртен-тау); к юго-западу от этой горы до рек Базар и Богаз (Бугаз) простирается ровная степь, в центре которой стоит одиноко конусообразная сопка – веретено («урчук») старухи. Великанша-старуха имела пять коз, которых она послала всегда сама. Однажды, пася своих коз, старуха уехала на гору Тарбагатай, а ноги положила на Алтай. В это время на одну из её коз, бродивших по степи, напал волк. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила в волка веретено, которое она держала в руках, прядя пряжу. Веретено это упало на то самое место, где теперь стоит сопка. Эта-то сопка и есть веретено великанши [Ивановский Ал., 1893].

Г. Н. Потанин ссылается на эту местную легенду о «Веретене-горе», записанную у оз. Зайсан, в связи с повествованием сказания о Гэсэре при раскрытии темы «укрощения злого существа посредством проституции»: Гэсэр заболел; его жена знает, что он исцелится, если она отдастся злему чудовищу Мангысу; Гэсэр действительно выздоравливает и идет выручать жену; жена прячет его в доме Мангыса; ночью Гэсэр из засады пускает в Мангыса стрелу, которая, однако, пролетает мимо. Мангыс пробуждается от звона стрелы, но женщина успокаивает его уверением, что это она, когда пряла, веретеном задела за серебряное ведро. Кончается история тем, что Гэсэр при помощи жены убивает чудовище [Потанин Г. Н., 1892].

Итак, в этих тюрко-монгольских легендах обращают на себя внимание следующие символы принадлежащие богам и великанам: Веретено, которое сравнивается с Камнем (Горой) и Стрелой. Рассмотрим подробнее эту символику. Сам Г. Н. Потанин в комментарии к рассказу о Гэсэре и его жене пишет, что веретено в сказаниях – указание на полярную символику и на вращательное движение.

Рене Генон в «Символах священной науки» упоминает о «веретене Необходимости//Необходимости//Ананки», которое крутит богиня (мойра, парка), суровая старуха – Клото (прядущая нить человеческого жребия; *clotho* – «прясть»). Это веретено, «веретено Ананки» – совокупность концентрических оболочек, соответствующих различным планетарным сферам, вращающихся вокруг алмазной Оси Мира, в направлении которой расположен светящийся столп, ориентированный по Полюсам [Генон Р., 2000]. Рука Клото и кругообороты вращающегося веретена утверждают «участь, какую кто себе выбрал по жребию» (Платон. Государство, X, 616c-620e). Сведения о «веретене Ананки» было получено от Эра сына Армения из Памфилии. Памфилия, территория Южной Турции в древности была населена племенами, говорившими на хетто-лувийском языке, письменность близка к малоазиатским системам письма. В хеттских клинописных документах Памфилия – страна Арзова//Арзава. Британский историк Г. Чайлд считал, что хетты, носившие скифские остроконечные шапки и центрально-азиатские косички, пришли из Туркестана. Само имя «Эр» (*Er*) – тюркское: «воин», «муж», «дар»; его отец «Ар//Эр-мен»: *Er-men* – древнетюркское: «воин-человек». Тюркские этнонимы Арман//Эрмен известны от Передней Азии до Алтая [Лебедев Р. В., 2015].

Аналогичным символом для Веретена-Оси является – Ваджра, которая есть одновременно и молния, и алмаз. В своей статье «Символическое оружие» Р. Генон сравнивает осевую оружейную символику Ваджры с гвоздем (гвоздь – *clavus*, а *clavis* – ключ, что соотносится с Янусом), копьем, мечом, топором, секирой, стрелой [Генон Р., 2000]. Германские столбы, колонны, посвященные богу Тору – Ирминсиль (одно из древних имён Тора – *IrminiaR*) или *Veraldarsula* («Мировой столб») украшался гвоздями, «так называемыми *Reginnaglar* («божественными гвоздями») или *Veraldarnagli* («мировые гвозди»); другое название этих гвоздей было *Regingaddi* («божественные шипы»). Шип – оружие богов и великанов. В скандинав-

ской мифологии упоминается «шип сна» (например, Старшая Эдда. Речи Фафнира, 43) [Лебедев Р. В., 2013]. Немецкий рунолог Геза фон Неменьи (Geza von Nemenyi) в книге «Священные руны» пишет, что усыпляющий шип встречается во многих сказках и сагах; в мифе он усыпляет богиню земли, когда настает ночь или зима. О нем же идет речь и в сказке о Спящей Красавице, заснувшей от укола веретеном или колючкой шиповника [Неменьи Г. фон, 2009]. Веретено связано не только со смертью//сном, но и рождением. Так, например, легенда, повествующая о рождении основателя и покровителя религии Бон – Шенраба Миво говорит о том, что луч белого света, похожий на стрелу, вошел в череп его отца, в то время как красный луч, похожий на веретено, проник в голову матери [Элиаде М., 2002а].

По информации телеутского исследователя Ч. А. Аласова и профессора Н. В. Абаева Шенраба Миво (или Хан Мурат) мог происходить из Саяно-Алтая. В начале «стослоговой мантры» традиции Бон мы слышим тайное имя основателя этой религии Тонпа Шенраба – «dMu ra ta han» (транслитерация на английском, см., например, в статье тибетолога, историка религии бон, магистра философии Samten Gyeltsen Karma «The Decree of the Khrochen King» // The Tibet Journal Vol. 16, No. 2, Shakabpa Memorial Issue: Part III (Summer 1991), pp. 3—18). Встречается в англ.-язычных исследованиях и такое написание: Mura Taken. В русск.-язычной литературе встречается как Мурат Хан. Как указывает востоковед, тибетолог Б. И. Кузнецов по одной из версий Мурат Хан происходил из страны Шаншунг (Шан-Шунг, Zhangzhung, Shangshung, Xangxung). Китаевед, буддолог, профессор Н. В. Абаев справедливо связывает Шан-Шунг с горными жунами, предками как хунну, тюрок, монголов, так и части тибетцев: «кит. „горные жуны“ (жун//жэнь – кит. человек, бур.-монг. зон – народ// тув. чон// монг. „чинно“ – волк; бур. шоно, в итоге „горный народ Волков“ (шань – гора, ср Тянь-Шань). Ср. также у Рашид ад-дина „Горные урянхи“ (Та/г/ну Урянхай – перешедшее в средневековые китайские хроники). Я делал доклад в Сеуле на эту тему. Но связь между горными жунами и прото-тюрко-монголами уже доказана (см. Коновалов П. Б.). ... Древнекитайский иероглиф „жун“ мог также читаться „хун“ (ср. хунну//сюнну (ср. англ. sun) – народ Солнца; ср. также бур.-монг. хун – человек; кит. жэнь; хюн – Солнце тюркск.). В тибетских текстах «PadmabKa'i than-yig» и «rGyal-rabs Bon-gyi 'byung-gnas» говорится, что страна Шан-Шунг соседствовала со страной Си-ся (Западная Ся, Xi-Xia) на монг. яз. – Хашин, которое граничило с Уйгурским Каганатом. Профессор Н. В. Абаев пишет, что Хашин был основан «людьми Гэсэра» и этот этнопоним возможно имеет хакасское происхождение (от восточно-хакаского топонима Качинск, вероятно этимологически связанного также с бурятским Качугом на территории этнической Бурятии в Иркутской области) или же связан со второй частью этнонима хак-хас и с теонимом Гэсэр: Хашин//Хаш//Хас//Гас//Гэс-эр [Абаев Н. В., 2017]. Востоковед, тибетолог, лингвист профессор Ю. Н. Рерих проанализировав множество тибетских источников в связи с поисками страны Гэсэра, история которой переплетена как с Шан-Шунг, так и с Западной Ся, приходит к выводу, что имеется постоянная и древнейшая традиция, связывающая имя царя Кэсара с народом Dgu-gu (Gru-gu), имя под которым тибетцам известны тюрки [Рерих Н. Ю., 1999; 2007]. Эта традиция связывает религию Бон, Шан-Шунг, Хашин с Саяно-Алтаем. Вспомним и свидетельство из летописи Таншу, гл. 217б (Новая история Тан, Xin Tangshu, XI век) в которой говорилось, что древнее государство хакасов Хягас на юге граничило с Тибетом.

«Стрела – это знак Гэсэр-хана. Стрела – это молния...» – говорит Н. К. Рерих в «Шамбала». Молния также зовется «эльфовой стрелой». Эльфы обитают «в зелёных холмах, чаще имеющих коническую форму и по-гэльски называющихся Sighan...», а твёрдый и острый клиновидный камень в Шотландии носит названия эльфовой стрелы, эльфома кремня, эльфовой стрелки». Эти стрелы опасны и могут приносить смерть людям [Торп Б., 2008]. Таким образом, мы видим, что осевая молниеносная символика Стрелы, Молнии, Камня (конического холма) и Веретена имеют под собой единую мифологическую основу, как оружие богов и великанов.

Говоря о Веретене, мы должны вспомнить и о Норнах в скандинавской мифологии, богинях плетущих нити судьбы. Эти три богини объединены в узел из трёх Треугольников (ср. с Веретеном, превратившимся в Конический холм (Треугольник) в казахской легенде и соотнесение Веретена со стрелой (Треугольный наконечник) в рассказе про Гэсэра): «треугольник для прошлого (Урд), настоящего (Верданди) и будущего (Скульд)». Узел из трёх Треугольников – Валькнут, часто рисовали вместе с изображением Одина. Поэтому его толкуют как символ Одина – треугольник-виселица для использования в ритуалах инициации [Викернес В., 2010]. Ранее нами было проведено сопоставление скандинавского бога Одина с тюрко-монгольским богом Эрлик-ханом, который изначально был богом Небесным, сыном Неба//Тэнгри, бог, обманом сброшенный с Неба; здесь нужно напомнить и о XII притче из рунической книги *Irq bitig*: «Рассказывают: муж-воин отправился на охоту. В горах он камлал, (говоря): Эрклиг – небесный (бог)! (букв.: Эрклиг на небе!). Так знайте – это грешно!»; к этому следует добавить и то, что по некоторым саяно-алтайским представлениям Эрлик-хан – брат Небесного бога Ульгена [Лебедев Р. В., 2015]. То есть, Эрлик-хана мы можем также именовать «Тэнгри Эрлик-хан». Поэтому, случайно ли совпадение прото-алтайского и прото-тюркского названия Веретена//Оси: *tengu*, *dengil* (караимск. *tengil*) с прото-алтайским и прото-тюркским теонимом означающим Небо//Бог: *tangiri*, *tengri*? Думается, что нет, так как, следуя смыслу притчи 66, из книги *Irq bitig*, именно Эрлик-хан связан с понятием «судьба//рок». С. Г. Кляшторный пишет по этому поводу: «Понятие судьбы (рока) связано не с термином *öd* «время», а скорее с понятием *ülüg*, зафиксированном в древнетюркском руническом тексте на бумаге из Дуньхуана «Ырк битиг» (X в.) в сентенции: *ančur alqu kentü ülügi erklig ol*. Существуют весьма различные переводы этой сентенции, но наиболее адекватным мне представляется следующий: «А участь (судьба) всех и каждого [в руках] Эрклига!» (букв.: есть Эрклиг, т.е. загробный мир). Подобные нотки звучат и в строках эпитафии Кули-чору, заключающих повествование о его гибели: *ülüg anča ermis ärinč* «судьба его, надо думать, была такова!». Иной эмоциональный аспект имеет употребление этого термина в автоапологии Бильге-кагана: *tengri jarlyqazu qutym bar üčün ülügüm bar üčün ölteči bodunyү tirigrü igidtim* «по соизволению Неба, так как я обладал благодатью и (предначертанной) судьбой, я возродил к жизни готовый погибнуть народ!» [Кляшторный С. Г., 2003].

Имеет ли образ Старухи-великанши из казахской легенды отношение к царю загробного мира Эрлик-хану? По одной версии старуха-великанша связана с именем богатыря Айдагула, по другой – она просто «нечистая» женщина. Отметим, что в легенде Великанша противостоит Волку, а он, в мифах – посланник Тэнгри, или сам Небесный бог Пёри-хан (Бөрү-хан, Бөрө-хан, Бурхан-бакши, Бурхан), мир которого (Белая гора на Небе) противопоставлен Эрлик-хану и его загробному миру. Таким образом, фигуру казахской Старухи-великанши с Веретеном можно соотнести не только с загробным миром Эрлик-хана, который управляет *ülüg* (судьбой, участью) человека, но и с фигурой «греческой» старухи Клото вращающей веретено Ананки, утверждающей человеческую участь, судьбу из загробных видений Эра, сына Армения. В этих видениях Эра обращает на себя внимание описание наказания одного из тиранов Памфилии – Ардиея: его, с другими злодеями, «поволокли по бездорожью, по вонзающимся колючкам, причем всем встречным объясняли, за что такая казнь, и говорили, что сбросят этих преступников в Тартар» (Платон. Государство, X, 616a). Тартар, для греков находящийся на Севере, пространство холода и тьмы – Тартария, т. е. Северная и Внутренняя Евразия. Элемент казни – «вонзающиеся колючки» встречается также в мифе о казни Эрлик-хана: «Богатырь, за отказ исполнения его просьбы, хватает Ерлика, роняет его на землю и съест прутьями какого-нибудь колючаго кустарника – караганы, шиповника или боярышника... Въ „Аноскомъ сборникъ“ Алтынъ-Коо стегаеть Ерлика тэгэнэкомъ (шиповник) (стр. 146). Въ „Очеркахъ. С-З. Монголии“ (1883, с. 416) Ульберге стегаеть Ерлика боярышникомъ» [Потанин Г. Н., 1916].

Характерны для Казахстана и этнотопонимы с основой «Егмен»: Ермен дагы (гора Эрмен), Эрментау, Эриман.

В связи с нашим исследованием необходимо рассмотреть и казахский сюжет о Полифеме (циклопе): демоне жезь-тырнаке и Депе-Гёзе. Ориенталист, историк, этнограф Н. П. Остроумов в статье «Новые варианты сюжета о Полифеме. а) Киргизские рассказы» [Остроумов Н. П., 1891] приводит два киргизских (казахских) рассказа на тему циклопа. Он сообщает о демонических существах, вера в которых – остаток казахского камства (шаманизма): албасты, жезь-тырнак, уббе, жалмауз-кемпир, кюлдыгыш. Далее он останавливается на описании жезь-тырнаков, которые обольщают мужчин в труднодоступных местах степи, превратившись в девушек. Жезь-тырнаки имеют человеческое тело, голову собаки, медные когти и козы копыта на ногах; когда принимают вид красивой женщины, то медные когти прячут в рукавах своей одежды. Само название демона: «жезь-тырнак» (джез-тырнак) значит – «медные ногти, когти». У алтайцев он известен как алмыс или «јес тырмак»; чалканск. – «јес сырвак»; как «пери» (чистые духи); «джалмауз» («жалмауыз-кемпир» – существо, пожирающее людей); голые («без штанов») хозяин или хозяйка горы, озера, кедр. Алмыс нередко предстаёт перед таёжными охотниками в облике красивой голой женщины с медными ногтями: «красивая алтайская девушка», «неземная девушка пери». Они «никогда не смеются и носят одежды только с длинными рукавами», чтобы люди не обнаружили их медных ногтей [Яданова К. В., 2009].

Казахское сказание о жезь-тырнаке и циклопе, записанное от Утюгуна Малдыбаева в Шар-бахтынской волости Лепсинского уезда, по мнению Н. П. Остроумова, «напоминают собой весьма художественный рассказ Гомера о встрече Одиссея с циклопом Полифемом». Второе сказание о циклопе записано у Али Кутебарова из Перовского уезда Сырдарьинской обл.. В тюркской мифологии одноглазый великан известен под именем Тепегёз, или Депе-Гёз (азерб. Teregöz, тур. Teregöz, Tübegöz, Töbököz, Töpekös). Образы жезь-тырнака (дева-пери) и циклопа Тепегёза встречаются в гл. VIII эпоса огузов «Китаби деде Коркуд», где говорится, что у одного из источников пастух Конур-Коджа-Сары-чобан поймал девушку пери и совокупился с ней, в результате чего родился циклоп – Депе-Гёза [Книга, 1962]. Сравнение циклопа Тепегёза из «Китаби деде Коркуд» с гомеровским Полифемом провел в 1815 г. немецкий востоковед Г. Ф. Диез в своей книге «Denkwürdigkeiten von Asien...». Он пришёл к выводу, что гомеровский Полифем – это заимствование образа Тепегёза из огузской мифологии [Diez H. F. von, 1815].

Таким образом, учитывая влияние тюрко-монгольской мифологии на греческую (миф о Полифеме-Тепегёзе) и подводя итоги проведенным символично-мифологическим аналогиям легенд о Веретене можно заключить, что мифы Внутренней Евразии, казахские и саяно-алтайские легенды проникнув в Малую Азию, могли повлиять и на формирование греческой мифологии.

БАШКИРСКИЕ РАССКАЗЫ ОБ АЖДАХА-ЗМЕЕ

Аждаха-змей – в башкирской мифологии злой дух, дракон; в сказках может быть трех-, пяти-, семи-, девяти-, двенадцати-, тысячеглавым; живет в озерах, колодцах, заболоченных местах [Потанин Г. Н., 2006]. Батыр-гарей Мухамедов Юлуев (Батыргарей Мухамед-Юлуев) в своей статье [Юлуев Б. М., 1892] повествует о наблюдении башкирами кочевниками на оз. Колтыбан//Яв-кул (Кюлтабан//Ягуль – «озеро подошва», «вояка-озеро») противостояния между небесной грозовой тучей с градом (от которого отделялось небольшое белое облачко) и громадным водным змеем Аждаха. Аждаха имел голову с огромными выкатывающимися глазами, «похожими на деревянные чашки»; туловище пятнистое с глянцевым оттенком, под воздействием Солнца, становящееся ярко-золотистого цвета; хвост, «раздвоенный на подобие вил»; чудовище свистело или шипело. Змей, проживших до 100 лет называют Зилан, до 500 – Аждаха, а до 1000 – Юха. Последний может принимать на себя образ человека, животного и т. д. Благодаря Неба (Аллаха) эти змеи не могут дожить до Юхи. Облака поднимают их и уносят на гору «Каф» (Каф-тауы), лежащую за Ледовитым океаном и наполненную всевозможного рода гадами и драконами. В тех местах бывал только Каһарман-батыр. Иногда Аждаха обитает под землей.

Змей Аждаха известен в мифологии тюркских народов Малой и Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, Поволжья и Западной Сибири (ejder, эждер, эждерха – у турок, аждархо – у узбеков, аждарха – у туркмен, ажыдаар – у киргизов, аждаһа – у казанских татар, азербайджанцев, казахов (у последних – также айдаһар), аздяка – у татар-мишарей, аждарзуа – у каракалпаков, аздага – у ногайцев, Астаха – у чувашей). Обычно представлялся в образе дракона, часто многоголового. В некоторых азербайджанских мифах Аждаха поселяется в чреве беременной женщины и убивает ребенка. В мифах татар-мишарей он – огненный змей, который пробирается в дом к вдове в образе её умершего мужа и сожительствоует с ней. В результате женщина заболевает и умирает [Басилов В. Н., 2008].

Сюжет с преследованием Небом (громовой и молниеносной тучей) подземного//подводного змея//дракона Аждаха из башкирских сказаний схож с подобными местами из дархатских легенд: «Бай Боролдай», где говорится об убийстве молниями Терь-хана подземного демона Мангыса; «Хубогай Хуйнык», где Хурмустен-хан «небесной стрелой» убивает Мангыса; или из дюрбютских мифов об убийстве молниями Тэнгриев бобыргана, бурундука, крота, тушканчика – животных Эрлик-хана [Потанин Г. Н., 1883]. Г. Н. Потанин обращает внимание, что алтайское «Бобырган» – «белка летяга», на хакас. – «пабырган», а в тув. – «авырган», «абырган» и сравнивает корневую основу слова с чувашск. – «вубур» (вобур) – злое существо, поедающее Луну; крымск. татарск. – «обур» – мертвец, пьющий молоко женщин; татарск. – «убырь» – колдун, поедающий трупы или его вечно-голодный дух, этим же словом обозначаются провалы или дыры в земле, убырь живет под землей [Лебедев Р. В., 2015]. По монгольским представлениям [Потанин Г. Н., 2006] молния представлена в виде многоголового дракона-змея «Абырга-могай» (Аврага-могой, Абарга-могой, Амырга-могус, Тамир-могус, Амырга-мос) обитающего под землей и похищающий людей и скот. Абырга-могай – помощник камов для путешествия по мирам.

В башкирских сказаниях о захвате облаком змея Аждаха также можно увидеть библейские сцены появления сияющих змеев-драконов. Во 2-ой книге Сефер Шмуэль гл.22 (2 Царств 22) описывается как царь Давид взывает о помощи к Яхве и он в образе огнедышащего дракона «Поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядующий» спускается с неба гремя громом и пуская стрелы: «... и воссел на Херувимов, и полетел, и понесся на крыльях ветра...». Яхве создатель драконов Серафим – на иврите «сараф» – «пылающий, огненный; змей, летающий змей, змееподобная молния; летающий дракон или грифон». В книге Бемидбар раздел Хукас

(Книга Чисел) гл. 21:8 Яхве (в караимских и кумано-кыпчакских текстах написан как: Тэнгри) сказал Мошэгэ//Моисею: «Сделай себе ядовитого (змея) и посади его на шест». В оригинале вместо слов «ядовитого змея» стоит слово САРАФ, т. е. Дракон. Происходило это, между прочим, в стране Эдома, а Эдом также связан с прото-тюрко-монголами, о чем ранее нами уже писалось. В Новом Завете Иисус Христос отождествляет себя с этим «змеем», т. е. Драконом (Ин. 3:14—15) [Лебедев Р. В., 2017в].

Вспоминается здесь и видение Ефрема Сирина о «восхищении во славе на облаках во сретение Христово» всех верных и святых Господа. «Облако» у Ефрема Сирина в одном месте описано, как «подобно страшной молнии». Явление, которое было зафиксировано башкирскими кочевниками, отражено на европейских иконах, фресках, гравюрах и картинах, например, на картине «The Annunciation» Carlo Crivelli (1486 г.) или на фреске «The Crucifixion» над алтарём монастыря Visoki Descani в Косово, Сербия (1350 г.). «Облака» – Небесные Ковчеги Спасения связаны с водно-драконьей тематикой. Ковчег Спасения, который построил Вайвасвату Ману в конце Манвантары, предшествовавшей нашей. Ковчег – ладья, ведомая по водам потопа рыбой-богом (Вишну в облике Рыбы – Маться Аватар), в котором был сохранён генотип всего живого на Земле, «семена будущего мира». Рене Генон проводит сопоставления Вишну в образе рыбы с халдейским Оаннес (Оанн, У-Ан); с дельфином//Афродитой//Иштар (женский Оаннес); с шумеро-аккадским богом Эа (Энки), божеством мудрости, подземных вод, подземного мира, богом – полукозлом и полурыбой – идентичен зодиакальному Козерогу. В индийском зодиаке место Козерога занимает морское чудовище с головой дельфина – Макара (Символика Кала-Макара известна скифо-тюркскому миру, как Тао-гэ, см. подробнее Лебедев Р. В. «Алтай – Египет. Тюркские пирамиды»). На многих изображениях Макара имеет черты, которые напоминают «тифоновскую» символику крокодила. В этом случае символика рыбо-богов соотносится не только со спасительным аспектом, но и с разрушительным, где Маться Аватар выступает в качестве разрушителя индивидуального и космического бытия. Здесь Р. Генон намекает на символику Левиафана, морского чудовища, гигантского крокодила, змея, дракона, над которым ветхозаветный бог Яхве одерживает победу в начале времён. Аналогичный сюжеты можно увидеть и в Ригведе, где также присутствует борьба Индры (творец и оплодотворитель) с первичным драконом Вритрой (символ хаоса). Макара есть одновременно и вахана (vahana – существо, используемое богами как средство передвижения) Варуны, бог ночи, бог непроявленного света – тьмы, бог непроявленности. Как асура из асуров он отождествлялся с первичным драконом Вритрой и со Змеем Ахи. Варуна – это также бог, связанный с водной стихией. В Махабхарате он назван «Господином Моря» [Лебедев Р. В., 2013].

Таким образом, мы видим, что явления, зафиксированные в башкирских легендах о противостоянии Неба//Облака с водным//подземным змеем Аждаха имеют свои параллели не только в Саяно-Алтайской и монгольской мифологии, но и отражены в древнееврейских и древнеиндийских преданиях, при этом, случай описанный башкирскими кочевниками представляет собой живой пример того, как и где (у тюрко-монголов) могли складываться подобные мифы и предания.

КАЗАХСКОЕ КАМСТВО (ШАМАНСТВО) И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОГНЯ

Легенда: Было время, когда люди не знали огня (от); но потом они увидели, что без огня им плохо. Они стали просить Бога послать им с неба огонь. Бог как бы ни понял их просьбы и сотворил для них Солнце (Кунь) и Месяц (Ай). Между людьми был тогда самым умным дуана Фрук. «Без огня нам нельзя жить», говорил он Богу. – «Я дал вам огонь», отвечал Бог, «днем вам светит Солнце, ночью – Луна». Умный Фрук объяснил Богу, что, правда, что людям нельзя жить без Солнца и Луны, но нельзя также жить и без огня, который в холод согревал бы их, на котором они могли бы сварить себе пищу и т. п. Тогда Бог послал дуана Фрука в ад. Там ему дали маленькую искорку. От этой искорки и распространился огонь между всеми людьми [Ивановский Ал., 1890б]. Судя по ссылке антрополога, географа А. А. Иванковского на статью Г. Н. Потанина о «киргизских шаманах» из II выпуска «Очерков...» (материалы этнографические, 1881 г.) эта легенда принадлежит казахам.

Дуана – киргизский (казахский) кам, помимо баксы. Г. Н. Потанин сообщает, что они постоянно ходят в лебединой шапке; шея лебедя висит сзади, вместо хвоста и кончается головой, составленную из кораллов каури или змеиных головок и проч. (в своих комментариях Г. Н. Потанин сравнивает этот головной убор с шапкой «гугу»; или войлочная//берестяная шапка бог-таг, хвосты которых – «гугу» похожи на гуся или утку). Подъехав к чужой юрте, дуана, прежде чем войти в нее, объезжает ее три раза с криком: ак! ак! (у чувашей: гак! гак!; у саха: хагай! хагай!). Потом он подъезжает к дверям юрты и кричит: «дуана гелер исэждэн, балякэт чигар тэсиктэн, ак!» То есть: «дуана входит дверями, а духи нечистые выходят сквозь дыры, ак!» В руках дуана носит иногда шест, увешанный вверху кольцами, посох «асай-мусай»; «аса» [Прищепова В. А., 2009]. Дуана лечит больных наговорами, а также содействует урожаю, наговаривая на хлеб во время молотбы; это дуаны делают без приглашения, как бы обязательно, и тогда же ездят по юртам и собирают хлеб в подояние; каждый киргизский хозяин дает им беспрекословно по пудовке [Потанин Г. Н., 1881].

В азербайдж. – диванд; башкирск. – диуана; киргизск. – дубана, дувана, думана; каракалп. – дийуана. Понятие связывают с таджико-персидским «демона» – «одержимый дэвами», с юродивыми, одержимыми духами дервишами. В др.-тюркск.: *du'a* – «молитва» (от араб.?). уйгурск.: *divini* – «богиня» (от санскр. – *Devī*?); *devä*, *tevä*, *tevi*, *tebe* – «верблюды». На наш взгляд, все эти тюркские слова: дуана//демона//дивана; *dua*; *divini*, *devä*, *tevä*, *tevi* – относятся к сфере духовной жизни древних тюрко-монгол и напрямую не только связаны с камством (шаманством), но и происходят от камского архаического праалтайского тео-зоонима: верблюды; на прото-алтайск.: *tibŋe*; прото-уралск.: *tewä*; прото-тюркск.: *debe*; др.-уйгур., караханид., тувинск.: *teve*; тюркск., караимск.: *deve*; хакасск.: *tibe*; ойротск.: *tebe*; саха: *taba*; прото-монгольск.: *teme-gen*; бурятск.: *teme*. На алт. «караджиме» – темные духи; на урянх. «караджиме» – «медведь». В царстве Эрлика живут два верблюда. Эрлик – создатель верблюда. В предании телеутов небесный бог создал прекрасного аргамака (коня). Эрлик же сотворил подобное существо, сделал шею дугой, только по ошибке приставил ее наоборот – так получился верблюд. В бурятском предании о верблюде говорится, что прежде это животное было женщиной, шаманкой, которая решила испугать небесного бога, тем самым бросив ему вызов. «Для этого она отрезала себе груди, приклеила их на спину, сделалась верблюдом и в этом виде явилась к богу. Тогда бог осердился и оставил ее навсегда верблюдом. Потому что это был прежде человек, плач верблюда похож на человеческий». В монгольских вариантах мифа про прикованного к скале в подземном царстве шамана-кузнеца-сына неба на его месте стоит – верблюд. В других же сказаниях сам «старик-Эрлик» распятый к земле на четыре кола. Эрлик-хан = Верблюд. У телеутски, кумандинских, сев.-шорских камов бубен именовался – «священ-

ный верблюд». Использование символа верблюда в культовом прикладном искусстве народов Центральной Азии имеет глубокие корни. Верблюд на протяжении нескольких тысячелетий являлся одним из объектов почитания. Изображения верблюдов встречаются на металлических пряжках из Сибири, Приуралья, Западного Казахстана. В середине I тыс. до н.э. металлические пряжки с верблюдами являлись одним из атрибутов захоронений социальной элиты [Лебедев Р. В., 2015].

Изначально понятие дуана//девана//дивана принадлежало исключительно камству (шаманству). Согласно китайским хроникам (Бэйши / История северных династий, VII в.; Вэйшу / История династии Вэй, VI в.) у жужаней в VI в. термин Дивань относится к «полумонахине-шаманке» – Дэу-хунь Дивань имевшей титул Шень-нуй (святая жена; неиспользованная, излишняя), главная советница жужаньского хана Чэуна, которая «шаманила силою духа». Так как Дэухунь Дивань молилась «духу Неба» и занимала высокое социальное положение [Бичурин Н. Я., 1950], то её справедливо было бы называть тэнгри-камкой (шаманкой).

Этнографический материал о казахском и киргизском камстве (шаманстве) можно почерпнуть в работах этнографов XIX века – А. А. Диваева, Ф. В. Пояркова и М. А. Миропиева. В двух статьях этнографа Ф. В. Пояркова «Из области киргизских верований» говорится о поверхностном магометанстве казахов; о роли русских в распространении магометанства среди казахов; описывается сартская и татарская пропаганда мусульманства среди казахов; повествуется о духах: Арвак//Аруак (дух умершего предка), Кыдыр-пайгамбар//Кыдыр-ата//Хызыр (святая бессмертная пророчица; ср. с Гэсэр); Эблис//Арман (нечистая сила), Албоста (злой дух рожениц, ведьма), Джинны (нечистые духи; происхождение Джиннов, их социальное устройство, психические расстройства и одержимость Джиннами «Джинды», роль баксы//бакши в управлении Джиннами и лечении болезней, чудеса баксы). В работе Ф. В. Пояркова «Каракиргизские легенды, сказки и верования» приводятся каракиргизские легенды, сказки и верования об устройстве мира, о семье, роде, о птицах, животных, о болезнях, о мнимо умерших, о смерти и т.д., которые собраны в Джумгалской, Сусамырской и Нарынской волостях Пишпекского уезда, в Саяковской волости Андижанского уезда [Поярков Ф. В., 1892, 1894, 1899]. В собрании легенд этнографа М. А. Миропиева «Демонологические рассказы киргизов» также отражены камские (шаманские) представления казахов, которые исчезают под натиском магометанства. Он приводит 27 демонологических рассказа киргизов (казахов, так как самоназвание народа в текстах: «казак; казактар») Перовского уезда Сырдарьинской области о Шайтанах, Албасты, Жез-Тырнак, Уббе, Жалмауз-кемпир, Кюльдыргыш, Пери (Купыр-пери и Мусулман-пери), Баксы [Миропиев М. А., 1888]. Этнограф, лингвист-тюрколог А. А. Диваев в исследовании «Из области киргизских верований. Баксы, как лекарь и колдун» описывает деятельность киргизских (казахских) баксы по изгнанию из людей джиннов и пери. Баксы во время лечения//переноса (көшүрү) духа с человека на предмет играют на кобызе. Во время камлания мясо жертвенного животного раздают народу в «худаи» (во имя Бога; Кудай – божество). Заслуживает внимание описание лечения с сажанием больного на голый череп павшего животного на перекрестке дорог и с возжиганием семи фитилей («шырак») на колышках, вбитых в землю. Как известно в тувинских сказаниях также говорится, что череп – транспортное средство в другие миры, в т.ч. и в Нижний (см. миф «Алды оранга четкен уруг»), а распятие Эрлика-Бабыргана происходит на четыре кола именно на перекрестке. В своей работе А. А. Диваев приводит призывания баксы к святым личностям, святым местам, горам, своим Джиннам. Описывает он и деятельность заклинателей – арбауши, давая оригинал и перевод их заговоров [Диваев А. А., 1899].

А так описывает свою встречу с дуана П. П. Семенов-Тянь-Шанский: «Когда же я возвратился в приготовленную мне юрту со своим неотлучным переводчиком-казакон и художником Кошаровым, к нам явился в своей живописной одежде и высокой шапке из лебяжьего пуха, с бубнами в руках „дуана“, то есть прорицатель, или по-сибирски шаман, так как у каракирги-

зов, так же как и у киргизов Большой орды, под покровом слабо привившегося мусульманства тлелись ещё остатки шаманства. Дуана, после нескольких обычных бешеных прыжков, привёл себя в экстаз прорицателя и принялся предсказывать мне мою будущность» [Семенов-Тянь-Шанский П. П., 1946].

Подводя итог, вернемся к началу нашей статьи, где была приведена казахская легенда о добыче огня из ада дуаном Фрук. Дуан Фрук от Тэнгри, от Неба спустился в обители Эрлик-хана, к сыну Неба и к своему отцу, отцу камов и төсов – Эрлик-Ада, который даровал человечеству подземный огонь – От-энэ, тем самым Эрлик-хан здесь фигура сотериологическая, он и его религия «тэнгрианское эрлик-камство» выступает тут в роли благодетеля и спасителя человека. Эрлик преподносит частицу Света, искру Духа, выделив её из глубин Ада, спасая её, выделяя из материи и поднимая к человеку и далее к Небу.

ЯНГАРА-КАМ И ЯНГАР-БОГАТЫРЬ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ МИФО-ЭПИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ

Янгара – первый кам (шаман) обученный Эрликом. Вербицкий В. И. приводит следующую легенду: «После потопа Балыкса захворал и призвал к себе человека, по имени Тянгару [Янгара], заставив его камлать. Обоих их Эрлик научил: одного призвать кама, а другого – камлать. Тогда Ульгень сказал Балыксе: «Ты будь слуга Эрлику, потому что ты не мне приносишь жертву, и после смерти ты пойдешь к Эрлику». Тянгара сказал в ответ Ульгению: «пожалуй, я и тебе таким же образом буду приносить жертву, как Эрлику». Ульгень сказал ему: «отныне будет имя твое Кам...» [Вербицкий В. И., 1898]. Л. П. Потапов комментируя сведения о Янгара приведенные В. И. Вербицким в «Словарь алтайского и аладагского наречий...» (1884) пишет: «В имени Янгара два слова: јанг – «вера» и кара – «чёрная». Следовательно, предание считает первоначальной чёрную веру с её верховным божеством Эрликом. Служитель её был назван словом кам» [Потапов Л. П., 1991]. Но на самом деле, далее при анализе хакасских и алтайских (саянидских) преданий мы увидим, что именно Эрлик-хан, лживо и несправедливо сброшенный с Неба сын Тэнгри с самого момента космического противостояния богов стоял на стороне порабощенного в материю человечества, выступает его спасителем и богом грядущего века – Май-тере. Именно поэтому «тэнгрианское эрлик-камство» названное «кара» на самом деле есть истинный Ак-јан. Это тот Мрак и Тьма (das Dunkel), о котором говорил Мастер Экхарт и то Духовное Солнце, о котором провидел Э. Сведенборг: чем дальше в духовном и иерархическом отношении удалены «царства», «общества» от истинного Бога, тем темнее для обитателей этих царств и обществ становится Духовное Солнце.

Обращает на себя внимание то, что имя первого кама из алтайских преданий – Янгара сходно с именем героя западно-монгольского эпоса – «Джангар» (XIII – XV в. н.э.). Имя героя этого сказания – Джангар, в калмыцкой передаче звучит как – жанһр, в халха-монгольской – Жангар, в старописьменном монгольском языке – јингуаг. Лингвист, профессор В. И. Рассадин, говоря об этом имени, отмечает, что в основе этого имени лежит древний «общетюркский глагольный корень уеҕ= „побеждать, одолевать“, который по ареалам тюркских языков имеет звуковые варианты: уіҕ= // džen= // džiҕ=, а в сибирских тюркских языках и с глухой начальной аффрикатой сҕеҕ= // сiҕ=. С. Е. Малов зафиксировал также твердорядный вариант уап= „побеждать, прогонять“. Таким образом, более архаичный старомонгольский вариант можно разложить на корневую морфему јинг= (восходящую к тюркскому глаголу džiҕ=) и элемент =уаг, который можно идентифицировать с общетюркским отглагольным словообразовательным аффиксом прилагательного =γir//=gir (имеющим зетацирующий вариант = γiz//=giz), выражающим качество по действию, ср. например, тат. алгыр „хваткий“ (<тат. ал= „брать, получать“). Следовательно, прототипом ойратского јингуаг может быть тюркская словоформа džiҕgir либо dжапγir, означающая „всегда побеждающий, всегда одолевающий“, что вполне соответствует образу Джангара – герою эпоса» [Рассадин В. И., 2004].

Л. П. Потапов сообщает о существовании у алтайских тюрков самостоятельного эпоса «Дьянгар», версия которого более архаичная, чем калмыцкий «Джангар». Алтайский сказитель Н. Улагашев слышал фрагменты эпоса от кумандинца Тоноша в варианте теленгита Лепета и говорил, что это самая древняя из всех алтайских былин, которая была создана «когда земля с небом появилась». Он же сообщил, что богатырь Дьянгар, полное имя которого: Чекан Чокур атту – Дьянгар бий, жил у подошвы тайги Сумер Улан-Ак-Шибе (сочетание буддийского и древне-камского космогонического названия горы). В этом цикле былин правнук Дьянгара – Кара-бөккө, мать которого (жена Ак-Тойчы) была родной дочерью Эрлика. Л. П. Потапов относит формирования алтайского эпоса «Дьянгар» к первым векам до н.э. [Потапов Л. П., 1949].

В 1981 г. фольклорист И. Б. Шинжин выявил и записал, казалось ранее утраченное, алтайское эпическое сказание «Дьянгар» (Янгар) в исполнении сказителя Н. К. Ялатова. Этот вариант, как указывает Е. Е. Ямаева, уже имеет бурханистскую направленность и буддийские символы. В варианте Н. К. Ялатова фигура Янгара-богатыря противопоставлена Эрлику. Но, на наш взгляд, здесь сохранились архаические камские (шаманские) космогонические элементы (имеющиеся и в ведической литературе), близкие к версии озвученной В. И. Вербицким, где фигура Янгара-кама (Янгара) сближена с фигурой Эрлика. Как выше уже было сказано: Янгара – первый Кам обученный Эрликом. Е. Е. Ямаева пишет, что с одной стороны Янгар-богатырь возводится к статусу божества, с другой, в эпосе имеется древний архетип – близнецная пара Янгар-богатырь и его сестра Янграчы (певец или певица бурханистских гимнов), а также сюжет, где после смерти брата сестра Янгарчы перевоплощается в Янгар-богатыря [Ямаева Е. Е., 2002]. Это оборотничество, абсолютная реверсия, стремление соединить в себе женское и мужское, стать «мужчиной и женщиной» или быть «ни мужчиной, ни женщиной» непосредственно связано с Андрогини-Янусом. Происходит «ритуальная тотализация – воссоединение противоположностей, возвращение к изначальному и нерасчленённому состоянию» (М. Элиаде). Мы неоднократно утверждали, что двуликий Янус – это и есть близнецная пара Яма-Ями, говорили об андрогинности Эрлика. У алтайских тувинцев в сказе «Бурган Буруш» имя Эрлик носит старуха. У монголов южного склона хр. Хан-Хухэй непосредственно сочленённого с Алтаем (Северо-Запад Монголии) в сказе «Тончжи Мерген» сестра и мать Точжи Мергена были Ерлики. У О. М. Ковалевского в «Монгольско-русско-французском словаре» (1844) упоминается Ямуна (Ями) – «старшая сестра Эрлика». У бурятского просветителя Ринчена Номтоева (Sumatiratna) в тибетско-монгольском словаре «Лампада, рассеивающая темноту» (1857) богиня Ямуна названа: «erlig-ün egeči» – «сестра Эрлика». В словаре «Амаракоша» Ямуна – это санскр. «samana-svasr» – «сестра Ямы» («samana», букв. «спокойный» – эпитет Ямы).

В ведийской мифологии, пишет Р. Н. Дандекар, истинная природа Ямы уже забыта. В стихе РВ X.13.4 сказано: «Ради богов, истинно, (он) избрал смерть; ради потомства (он) не избрал, поистине, бессмертие; / (Боги) сделали Брихаспати, (самого) риши, жертвой. Яма покинул своё (собственное) милое тело». Р. Н. Дандекар считает, что в этом стихе говорится, что первосущество-андрогин принес себя в жертву (и тождественен Пуруше) для создания вселенной. Индолог, профессор Я. В. Васильков считает, что такое толкование стиха РВ X.13.4 не является бесспорным. А. Б. Кит считал, что речь идет «о жертвоприношении Брихаспати, а не Ямы; здесь сказано, что Яма умер, но не более того». В переводе К. Гельднера («Боги побудили риши Брихаспати к (принесению) жертвы») исключена возможность отождествления Ямы с Брихаспати, при этом К. Гельднер допускал, что здесь может идти речь о добровольной смерти Ямы [Дандекар Р. Н., 2002]. В стихе РВ X.10 Яма решительно отвергает попытки Ями склонить его к половому акту, предназначенному для продолжения рода людского. Специалист по ведийской культуре, лингвист и переводчик Ригведы на русский язык Т. Я. Елизаренко комментируя стих РВ X.10 говорит, что из-за этого поступка, описанного в Ригведе, существует неразрешенной проблема происхождения человеческого рода. Из Ригведы хорошо известно, что прародителем людей является Ману (manu или manus букв. человек). Люди называют Ману своим отцом, он первый учредил жертвоприношения богам. Ригведа, Атхарваведа и Пураны рассматривают Ману как сына Вивасвата и брата Ямы. Ману – первый человек, живший на земле, а Яма – первый умерший [Ригведа, 1999].

На наш взгляд эта проблема разрешается привлечением североазиатских тюрко-монгольских гностических преданий о Яме//Эрлик-хане (учитывая зафиксированный этнографами на территории Хакасии теоним Яма, мы можем говорить именно о Яме) сложившихся ещё у саянидов в период перехода от палеолита к неолиту, когда возникли представления о синергетической связи Человека со стихиями подземного огня, который порождает Эрлик-

хан, и Небесного (Космического) огня (Н. В. Абаев, А. А. Соскал), и развившихся в дальнейшем у последующих родственных киммерийских, скифо-арийских культур; то есть архаических камских представлений, где Эрлик-хан, как сила духовная (первый компонент в имени Янгар, первого кама обученного Эрликом – Янг от праалтайского *šuni-*, праторкского *din* – «дух») противостоит лжецу и дьяволу Шулма-Бурхын-Бакши, как силе материальной. Оба брата: Эрлик и Бурхын-Бакши – сыновья Тэнгри (по В. В. Радлову этими сыновьями Кайракана могут быть соответственно: Мерген-Тенгере и Бай-Ульгень), как Яма и Ману – сыновья Вивасвата.

Яма понимал, что Любовь (А-Мог) между полами не следует смешивать с инстинктом продолжения рода; истинная её функция – «помочь мужчине и женщине воссоединить внутри себя завершённый и исполненный полноты человеческий образ, который зовётся божественным или изначальным образом» (Франц фон Баадер). Мигель Серрано в «Золотая цепь» говорит об этом: «Тантрическая магия Майтхуна, любовь, не зачинающая потомков». Итальянский мыслитель Юлиус Эвола в своём труде «Метафизика пола» сообщает, что с одной стороны существуют доарийские «мистерии матери», цивилизации, кладущие продолжение рода в основу религии; с другой стороны стоит концепция олимпийского бессмертия, которая обязывает решительно и резко разорвать физические и материнско-теллурические оковы, выйти из вечного круга порождений и вступить в область чистого бытия» [Лебедев Р. В., 2013]. Поступок Ямы-Эрлика, когда он отвергает любовные притязания своей сестры, позже ляжет в основу пути гностического манихейства, когда Мани призывал воздерживаться от произведения на свет потомства. Свет сконцентрирован в сперме, и каждый входящий в мир ребенок лишь увековечивает плен божественных частиц. Яма открыл Путь из материального концлагеря: «Разглядел путь для многих, / Сына Вивасвата, собирателя людей, / ... / Яма первым нашел для нас выход – / Это пастбище назад не отобрать. / Куда (некогда) прошли наши древние отцы, / Туда (все) рожденные (последуют) по своим путям / ... Соединись с отцами, со (единись) с Ямой, / С жертвами и (добрыми) деяниями на высшем небе! / Оставив (все) греховное, снова возвращайся домой! / Соединись с телом, полный жизненной силы!» (РВ X. 14.1,2,8).

Таким образом, вполне можно допустить, что древние камские (шаманские) и ведические космогонические представления об андрогинном боге Эрлике (Яма-Ями) могли перейти в более поздний пласт мифологических воззрений, где выделяется образ первого кама Янгара и его наставника Эрлика (см. у хакасов: Адам-хан, Хам-ханы, Хам-адазы, Ён-хан, Ён-ада ставивший тамгу на черной ели для Ён-хам'ов), а также эпические произведения с близнечной фигурой относимой к божеству – «Янгара-Янгарчы». Эти представления об Янгара-каме и Янгара-богатыре теснейшим образом связаны с территорией Саяно-Алтая и Циркум-Байкалией. Как справедливо заметил Ч. А. Аласов: «Янгара – Тангара». Вспомним, что профессор Н. В. Абаев несколько раз в своих работах говорит о гидронимах: Ангара//Тангара. Отсюда следует, во-первых, что Эрлик, как учитель Янгара может называться Тэнгри//Небесный, как и говорили таежные камы-охотники (см. Притчу 12, Ырк-битиг), во-вторых, что оним героя-кама Янгара неразрывно связан с бассейном реки Ангара, со святым озером Байкал, с рекой Улуг-хем (Енисей) и с горной системой, названной на европейских картах XVII в.: Imaus mons//горы Ямы, «Дом Ямы» [Jacobi W., 1743].

ТЕОНИМ ТЭНГРИ: ПРОБЛЕМА ПРОТО-ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ, ШУМЕРСКИХ И ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ СВЯЗЕЙ

Вопрос о прото-тюрко-монгольских и древнеегипетских связях ранее поднималась автором в работах: «Алтай – Египет...» и «Тэнгри-камство и сакральная география Саяно-Алтая» [Лебедев Р. В., 2015, 2016б]. Теперь кратко рассмотрим взаимосвязь теонимов Тэнгри и Ра. В исследованиях С. Г. Маврова приводятся сведения из устных традиций болгарских колобров (камов, «шаманов») о составных частях теонима Тангра: Танг и Ра, где Ра имеет значение «звезда, солнце» [Мавров С. Г., 2017]. В этой связи можем ли мы провести аналогии между тюрко-монгольским теонимом Тэнгри//Тангра и древнеегипетским РА?

Египтолог П. Каплони говорит, что слово бог на древнеегипетском – NTR (3 тыс. до н.э.) – «нечер». Востоковед Ж.-Ф. Шампольон нашел аналогичным для этого слова в греческом понятие – Теос. Египетский теоним NTR неразрывно связан с солярными атрибутами (египтолог Ж. Вергот). Последняя же R в NTR соотносится с богом Ра – непрерываемое движение жизни от восхода до захода Ра (к. филос. н. Т. Я. Радионова). Директор «Фонда шаманских исследований» (Foundation for Shamanic Studies) Kevin Turner в книге «Sky Shamans of Mongolia» (Небесный шаманизм Монголии) говорит о связи тэнгрианства с Шумером и отмечает, что клинописный знак DINGIR возник как пиктографическое изображение звезды [Turner K.V., 2016]. О связях шумерского клинописного DINGIR//DÎGIR с понятием Тэнгри писал профессор древней истории и христианский богослов из Оксфордского университета Джордж Роулинсон (George Rawlinson) в своём исследовании «The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World» (1862—1867). В табличках эпохи III династии Ура имеется упоминание о «DENGIR RA» и его храм «E.DENGIR. RA». Известно также название Вавилона как «KA.DENGIR. RA» – «Врата богов, принадлежащие Ра». Речь во всех этих фрагментах именно о египетском боге Ра. Налицо – использование и сочетание двух теонимов: DENGIR и RA. Турецкий доктор, доцент теоретической физики Haluk Berkman в своей статье «Sumerian Name of God Dingir is the Mongolian Tengri» связывает символику шумерского DINGIR с Солнцем и прямо говорит, что DINGIR – бог Солнца, обитающий в Небе. В своей работе «Egyptian deities» он пишет, что «Ра был импортирован из шумерской культуры, и его имя произошло от Дингира, главного шумерского божества».

Немецкий египтолог Г. Юнкер утверждал, что под именем Амона, Атума, Гора и Птаха изначально почитался единый «наидревнейший бог» – NTR WR. Британский египтолог, археолог и филолог Э. А. У. Бадж также в связи с иероглифом NTR говорил о вере древних египтян в одного бога. Турецкий исследователь римской, греческой философии, древнего тюркского языка и цивилизаций, доктор Polat Kaуа (также специалист в области электротехники, научно-исследовательская компания BNR, Канада) в своей статье «The Ancient Masarian (so-called «Egyptian») Word «NETER» Meaning «GOD» is a Form of the Turkish word «TANRI» meaning «GOD» (2008) пишет, что египетское слово «NeTeR» является транслитерацией иероглифов NTR и формой тюрко-монгольского «Tanrı» (Tenri, Tengri). Транслитерация египетского иероглифа NTR как NaTaR можно прочесть древнетюркским языком: N-Ata-Er в значении «Небесный Отец Человек». Точно также он прочитывает и слово TANRI – T-Ana-eRi, что значит «Небесный Отец Человек». Тем самым доктор Polat Kaуа считает, что NETER и TANRI – одно и то же слово тюркское (прототюркское) по происхождению как концептуально, так и лингвистически; TNR аналогично NTR. Прочтение TNR как uTu eRi или как uTu aN eRi – «Солнце-бог Отец Человек», в котором Солнце – локальный представитель Бога Неба. Солнце олицетворяется как человек, то есть AL ER («ярко-красный, светло-красный

человек»), которое транслитерируется в древнеегипетском как Ra. Прочтение TNR как oT aN eRi – «Огненного Неба Человек» можно понимать как: а) Солнечный Огонь, б) Небесный Бог как Огонь, что приемлемо как для современной научной космологической концепции Большого взрыва, так и для тэнгри-камского мировоззрения саянидов, где «Первое Солнце называется «От-Чаякчы» – «Огонь-Творец» (бур.-монг. Гал-заяши), который является порождением огненной космической стихии в виде Большого Взрыва» [Абаев Н. В., 20016]. Египетский иероглифический знак NTR по мнению многих современных египтологов отображает штандарт: ткань намотанная на шест – знак божественного (А. Гардинер «Грамматика египетского языка»); обернутый тканью шест – проявление божественной силы (Э. Хорнунг) [Зубов А., Зубова О., 2017].

Археолог и тюрколог А. П. Окладников отмечает, что у древних тюрков были знамена с навершием в виде золотой волчьей головы, поскольку волк считался предком этого народа. Он также считал, что «навершия» являлись древнейшими знамёнами степных племён. Это были фигурные изделия из меди и бронзы, характерные для скифской культуры Восточной Европы и одновременных ей степных культур Центральной Азии – вплоть до Ордоса и Северного Китая. Лингвист и антрополог, профессор В. В. Иванов в статье «Реконструкция индоевропейских слов и текстов отражающих культ волка» пишет о германских архаизмах означающих «дерево волка»: др. англ. – «wulfheafodtreo» буквально значит – «дерево волчьей головы»; др. исл. – «vargtre» – «дерево волка» (в переводах «Эдды»). Общегерманские обозначения «волчьего дерева»: др. англ. – «warhtreo» и др. сакс. – «uuargtre». В. В. Иванов для слова «wulfheafodtreo», как названия ритуального символа проводит параллелизм с др. англ. – «eafor-hefod-segn» – обозначение боевого стяга. Также он говорит, что «wulfheafodtreo» обоснованно связывается со скандинавским культом Вотана (Одина), где известны были волчьи головы на шестах (по арабским источникам X в. н.э.). Все значения древнегерманских и общегерманских понятий «волчье дерево» В. В. Иванов сравнивает с древнехеттским термином «hurki», что значит «колесо», «верхняя часть ритуального мирового столба», «ритуальный диск», «солнце». Само же слово «hurki» связано с хеттским «hurkel» – «чудовище», которое упоминалось в хеттских текстах в связи с ловлей волков. Это использование хеттского слова близко к архаическим случаям использования западногерманского слова означающего чудовища-волка «heogowear» – «приносящий смерть душитель волк» имеющий параллелизм в др. англ. – «heogowulf» – «волк-воин». В. В. Иванов говорит, таким образом, о последовательной связи между «hurki», как ритуальная часть мирового столба (диск-солнце) и «hurkel», как чудовища-волка. В этой связи, сразу вспоминается легенда о герое-прародителе тюркских (огузских) племён Огуз-хане. В ней говорится, что Тэнгри с утренней зарей послал в его юрту луч, подобный солнечному. Из этого луча возник сивогривый волк, который передал Огуз-хану повеление Тэнгри: «Веди народ и беков, Огуз-хан. А я буду показывать дорогу». Долго шли тюрки за сивым волком, разбили они в пути на запад многих врагов. Нашли они землю с обширными пастбищами, полноводными реками, размножились их стада, были усмирены враги. А волк вернулся в Синее небо. Здесь мы видим, что в этой тюркской легенде небесный волк сравнивается с Солнцем и его лучом, что в нашем случае также совершенно аналогично общегерманскому понятию «волчье дерево». О связи «голодного и хищного волка» с Солнцем говорит и европейская легенда о святой Остерберте, праздник которой справляли в день наивысшей солнечной активности. Тэнгри в урянхайской легенде про Ульберге ассоциируется с Пёри-ханом (Волком-ханом), который живет на Белой горе (Аг-таг) вместе с Солнцем и Луной. Пёри-хан – дающий богатство. Волк – посланник самого Тэнгри. Пёри-хан – Бөрү-хан – Бөрө-хан (минусинск. татар.) – Бурхан-бакши – Бурхан (алт.) – Пурган – «бог» (урянх.). Но здесь мы можем мылить не только Шулма-Бурхын-Бакши, но и Эрлик-хана, т.к. имеются на это указания: во-первых, ритуальный столб с колесом диск-солнце; во-вторых, появление луча Тэнгри с Утренней Зарёй. Утренняя Заря – это Герой, Митра (тот, который

есть Заря-Венера в Авесте), как хакасский Герой Ак Көбек, как прототюркское *čang – tang*; Цолмон//Дебедей одно из имён Эрлик-хана, имя Венеры. Ритуальный столб с колесом диск-солнце – распятый на четыре кола сын Неба Эрлик-хан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.